В. Поржезинскій.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКАЯ и УЧЕНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

Всев. Ѳед. МИЛЛЕРА

въ области языковѣдѣнія.

Печатня А.И.Снегиревой Москва
1914.

ПЕЧАТНЯ А. СНЕГИРЕВОЙ
МОСКВА
ТРУДЪ
Осложенка, Савелов. п.
9992

3776
24

Отд. оттискъ изъ Отчета Императорскаго Московскаго Университета за 1913 г., ч. I.

Преподавательская и ученая дѣятельность Всев. Ѳед. Миллера въ области языковѣдѣнія.

Всев. Ѳед. Миллеръ, получившій обѣ высшія научныя степени (магистра въ 1877 г. и доктора въ 1883 г.) по каѳедрѣ сравнительнаго языковѣдѣнія и санскритскаго языка[1]), состоялъ вторымъ преподавателемъ по этой каѳедрѣ, начиная съ 1877 г., сперва въ званіи доцента, а затѣмъ экстраординарнаго и ординарнаго профессора. Съ 11-го апрѣля 1892 г. онъ перешелъ на каѳедру русскаго языка и словесности, но еще въ теченіе слишкомъ десяти лѣтъ продолжалъ преподаваніе санскритскаго языка (до осени 1903 г.).

Какъ видно изъ протоколовъ засѣданій Историко-Филологическаго Факультета и Совѣта Университета, уже въ 1875 г. возникъ въ Факультетѣ вопросъ о расширеніи преподаванія по каѳедрѣ сравнительнаго языковѣдѣнія въ смыслѣ учре-

[1]) Такъ называется эта каѳедра по уставу 1884 г.; по уставу 1863 г. она именовалась каѳедрой сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ. Ученыя степени по этой каѳедрѣ носятъ донынѣ названіе степени магистра и степени доктора сравнительнаго языковѣдѣнія. Въ 1883 г. Факультетъ возбуждалъ ходатайство объ учрежденіи особой каѳедры санскрита и иранскихъ языковъ. Отвѣтъ получился отрицательный, а по вновь введенному уставу каѳедра языковѣдѣнія получила новое наименованіе. Что касается времени, предшествующаго уставу 1863 г., то каѳедры языковѣдѣнія въ русскихъ университетахъ не было, а полагалась по уставу 1835 г. каѳедра восточной словесности: (a) языки арабскій, турецкій и персидскій; b) языки монгольскій и татарскій). По уставу 1804 г. эта каѳедра именовалась каѳедрой восточныхъ языковъ, безъ указанія на отдѣльные языки.

жденія сверхштатной доцентуры для преподаванія именно санскрита. Реальное осуществленіе этотъ планъ получилъ лишь въ 1877 г., когда въ засѣданіи Совѣта 12-го февраля было заслушано представленіе Факультета, напоминавшаго о томъ, что первоначальное ходатайство отъ апрѣля 1875 г. не получило отвѣта. „Въ интересахъ основательнаго изученія древнихъ и церковнославянскаго языка, признавая необходимымъ усилить преподаваніе сравнительнаго языковѣдѣнія и въ особенности санскритскаго языка, Историко-Филологическій Факультетъ призналъ въ настоящее время возможнымъ предоставить одну изъ штатныхъ доцентуръ второму преподавателю сравнительнаго языковѣдѣнія съ тѣмъ, чтобы на него возложено было чтеніе сравнительной миѳологіи и преподаваніе санскритскаго языка. На этомъ основаніи Факультетъ имѣетъ честь просить Совѣтъ Университета о баллотированіи магистра сравнительнаго языковѣдѣнія Всеволода Миллера въ званіе доцента по каѳедрѣ сравнительнаго языковѣдѣнія, присовокупляя, что подвергнутый баллотированію на это званіе въ Факультетѣ Миллеръ, какъ видно изъ представляемаго у сего избирательнаго листа, избранъ единогласно“.

Всев. Ѳед. Миллеръ началъ преподаваніе въ званіи доцента съ осени 1877 г. (доцентомъ онъ былъ утвержденъ съ 5-го марта 1877 г.). Въ теченіе 1877—78 уч. г. онъ читалъ двухчасовой курсъ исторіи Востока и двухчасовой первоначальный курсъ санскрита для желающихъ. Для продолжающихъ санскритъ читалъ въ этомъ году Ф. Ѳ. Фортунатовъ, который велъ и элементарныя занятія этимъ языкомъ до вступленія въ число преподавателей Всев. Ѳед. Миллера наряду съ чтеніемъ основныхъ курсовъ по сравнительному языковѣдѣнію. Въ слѣдующемъ (1878—79) уч. г. Всев. Ѳед. объявилъ санскритъ для начинающихъ и отдѣльно для продолжающихъ, сохраняя чтеніе лекцій по исторіи Востока; послѣдній предметъ имъ преподавался до 1883—84 уч. г. включительно съ перерывомъ на одинъ годъ (1879—81 г.), а съ 1884—85 г. санскритъ читался имъ уже при 6 часахъ въ недѣлю. По введеніи

новыхъ учебныхъ плановъ устава 1884 г. начальный курсъ санскрита сталъ обязательнымъ для студентовъ группы А (словесной) въ первый же годъ пребыванія въ университетѣ. Нормальный порядокъ занятій санскритомъ подъ руководствомъ Всев. Ѳед. Миллера былъ таковъ: въ первый годъ обученія изучалась грамматика классическаго санскрита въ связи съ разборомъ легкихъ упражненій, при чемъ до выхода въ свѣтъ въ 1891 г. „Руководства къ изученію санскрита", составленнаго Всев. Ѳед. въ сотрудничествѣ съ Ѳ. И. Кнауэромъ, приходилось пользоваться нѣмецкими учебниками (въ 1888 г., когда я приступилъ къ этимъ занятіямъ, пособіемъ служила книга вѣнскаго санскритолога Бюлера, составленная приблизительно по такъ называемой методѣ Оллендорфа).

Во второй годъ (курсъ для желающихъ) читались эпизоды изъ Магабгараты, прозаическіе разсказы изъ Гитопадеши, Панчатантры и т. д. Третій годъ посвящался чтенію драмы въ связи съ изученіемъ пракрита, а затѣмъ приступали къ Ведамъ, занятія которыми продолжались иногда и на четвертый годъ. Параллельно съ занятіями санскритомъ Всев. Ѳед. велъ иногда и занятія по древнеиранскимъ яз. (я слушалъ у него курсъ древнеперсидскаго яз. въ связи съ разборомъ клинообразныхъ надписей). Не довольствуясь официальными двумя часами, отведенными вышеупомянутыми планами на обязательное изученіе санскрита на 1-мъ курсѣ, полный энергіи преподаватель собиралъ желающихъ у себя на дому по субботамъ. Цѣлью этихъ частныхъ занятій было облегчить прохожденіе курса и вмѣстѣ съ тѣмъ подготовить поосновательнѣе желающихъ для средняго и старшаго цикла. Живо встаютъ въ памяти участниковъ этихъ субботнихъ собраній незабвенные часы въ уставленномъ книгами кабинетѣ теперь уже не существующаго деревяннаго дома въ Машковомъ пер. на Покровкѣ, когда мы, группа молодыхъ студентовъ, послѣ усердныхъ трудовъ по переводу съ нѣмецкаго яз. на санскритскій соотвѣтственныхъ упражненій учебника Бюлера, жадно ловили живую и остроумную рѣчь нашего учителя на различ-

ныя темы, связанныя съ нашими занятіями; иногда эти бесѣды затягивались гораздо дольше положеннаго времени (отъ 6—8 час. веч.) и превращались въ очень поучительныя для насъ лекціи по фольклору, востоковѣдѣнію и т. д. Привѣтливый хозяинъ, воодушевлявшійся, когда касались любимыхъ его темъ, будилъ во время этихъ собесѣдованій молодую мысль, поощрялъ всякое проявленіе искренняго интереса къ наукѣ и весьма снисходительно и гуманно относился къ неизбѣжнымъ на первыхъ порахъ заблужденіямъ и ошибкамъ юныхъ адептовъ знанія.

Гуманность и благожелательное отношеніе къ учащейся молодежи были неизмѣнными чертами Всев. Θед. Миллера въ теченіе всей его преподавательской дѣятельности. Всегда отзывчивый, онъ горячо принималъ къ сердцу интересы юношества, снабжалъ книгами изъ своей обширной библіотеки, помогалъ нужными указаніями и совѣтами въ различные критическіе моменты и никогда не отказывалъ въ нихъ, если къ нему обращались, прямо и откровенно разсказывая, въ чемъ дѣло.

Убѣжденный сторонникъ высшаго женскаго образованія, онъ состоялъ преподавателемъ на высшихъ курсахъ, устроенныхъ Вл. Ив. Герье, а затѣмъ, когда вновь возродились курсы послѣ многолѣтняго перерыва, мы видимъ Вс. Θед. въ числѣ ихъ преподавателей по русской народной словесности и исторіи Востока.

Ученая дѣятельность Всев. Θед. Миллера въ области предметовъ, входящихъ въ составъ языковѣдѣнія въ широкомъ смыслѣ этого термина, составляетъ лишь часть его ученыхъ работъ, но часть весьма существенную. Не прекращалъ онъ занятій въ этомъ направленіи и въ тотъ періодъ своей дѣятельности, когда главнымъ объектомъ изученія стала для него русская народная словесность, именно изслѣдованіе исторіи осетинскаго языка, разработкѣ которой онъ посвятилъ себя съ 1880 г., было для него одной изъ важнѣйшихъ задачъ его жизни. Серія работъ по языку осетинъ откры-

вается „Осетинскими этюдами“, первыя двѣ части которыхъ (I ч. 1881, II ч. 1882 г.) были представлены въ качествѣ докторской диссертаціи; третья часть, вышедшая въ 1887 г., содержитъ между прочимъ дополненія и поправки къ грамматическимъ главамъ II ч., образцы южноосетинскаго нарѣчія, не представленнаго въ текстахъ I ч. (а эта часть содержитъ тексты [1]), тогда какъ во второй находимъ очеркъ историч. грамматики и очеркъ религіозныхъ вѣрованій), нѣкоторые другіе тексты, а также 3 главы съ двумя экскурсами по вопросамъ объ историческихъ свѣдѣніяхъ о прошломъ осетинъ и о происхожденіи этого народа. За годъ до выхода этой III ч. появилась въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. за 1886 г. (октябрь) статья Всев. Өед. „Эпиграфическіе слѣды иранства на югѣ Россіи“, очень важная для выясненія вопроса о наличности иранскихъ по языку элементовъ среди древняго скиоскаго и сарматскаго населенія южнорусскихъ степей. Въ этомъ изслѣдованіи, результаты котораго повторены въ III ч. „Осетинскихъ Этюдовъ“, а въ „Извѣстіяхъ Археологическаго Общества“, вып. 47, (1912 г.) пополнены новыми данными, авторъ пришелъ къ выводу о несомнѣнномъ присутствіи иранцевъ по языку среди припонтійскихъ народностей путемъ разбора собственныхъ именъ, дошедшихъ до насъ въ античныхъ источникахъ; среди нихъ значительный процентъ оказался иранскими; оказалось возможнымъ сдѣлать и еще одно дальнѣйшее заключеніе, именно, что эти иранскія имена распадаются на двѣ группы. „Въ именахъ первой группы, составляющихъ огромное большинство, сохранились такія лингвистическія черты, которыя даютъ возможность видѣть въ иранскомъ языкѣ, которому они принадлежатъ, предка нынѣшняго осетинскаго языка. Наибольшее число такихъ именъ даетъ Танаидская область, которой варварское населеніе отно-

[1]) Тексты, написанные по осетински, снабжены русскимъ переводомъ; образцы дигорскаго нарѣчія, сообщенные Всев. Өед., были первыми появившимися въ печати памятниками этого нарѣчія. Сверхъ того въ этой 1-й части помѣщены нѣкоторыя преданія и сказки, записанныя только по-русски.

силось древними писателями вообще къ сарматамъ. Иранскія имена того же типа встрѣчаются и въ надписяхъ другихъ греческихъ, болѣе западныхъ и южныхъ, городовъ (Тираса, Ольвіи, Пантикапеи), что также свидѣтельствуетъ о существованіи въ областяхъ этихъ городовъ такого же иранскаго элемента (хотя, можетъ быть, менѣе многочисленнаго), какъ и въ Танаидской области. Есть нѣкоторое основаніе думать, что присутствіе этихъ именъ объясняется иранскимъ происхожденіемъ той части скиѳовъ осѣдлыхъ, которые называются у Геродота скиѳами—пахарями" (стр. 280). Отличая отъ иранскихъ именъ этого типа иранскія имена древнеперсидскія, число которыхъ ничтожно въ сравненіи съ числомъ именъ перваго типа, Всев. Ѳед. устанавливаетъ предположительно два пути, по которымъ персидскія имена могли проникнуть въ припонтійскія степи: 1) южный, ведшій „изъ Понтійскаго царства, имѣвшаго при Митридатѣ Евпаторѣ значительное вліяніе на сѣверное побережье Понта, и 2) сѣверный, по которому персидскія имена шли отъ скиѳовъ, занесшихъ ихъ въ припонтійскія степи, быть можетъ еще изъ Азіи, гдѣ скиѳы (саки) сосѣдили съ Ираномъ и восприняли нѣкоторые черты его высокой культуры" (стр. 280).

Различая въ скиѳахъ скиѳовъ-кочевниковъ (царскихъ) и скиѳовъ-земледѣльцевъ, какъ различные этническіе элементы, и относя вторыхъ къ иранцамъ, Всев. Ѳед. оставляетъ открытымъ вопросъ о происхожденіи первыхъ; не видя, съ одной стороны, возможности считать ихъ иранцами, онъ, съ другой стороны, не считаетъ убѣдительными тѣ доводы, которые приводятся въ пользу урало-алтайскаго происхожденія. Иранство царскихъ скиѳовъ опредѣлялось на основаніи иранскихъ собственныхъ именъ, сохранившихся въ нашихъ источникахъ, но это ничего не доказываетъ, такъ какъ „ношеніе благороднаго арійскаго имени, напр. Ἀριαπείθης, еще не позволяетъ намъ видѣть иранца въ какомъ-нибудь скиѳскомъ кочевникѣ-царѣ" (Ос. Эт., III, 136). Присутствіе иранскихъ именъ у скиѳовъ неудивительно, такъ какъ они много воевали

съ персами и одно время были ихъ данниками, да и среди припонтійскаго населенія были иранцы (*ib.* стр. 136, 133—134). Наряду съ именами несомнѣнно иранскими, есть у этихъ скиѳовъ имена, относительно которыхъ можно допустить искаженіе и неточную передачу, и наконецъ такія имена, которыя не поддаются сколько-нибудь вѣроятному объясненію изъ иранскаго. Относительно этихъ именъ изъ неизвѣстнаго намъ языка Всев. Ѳед. высказывается въ томъ смыслѣ, что „варварскій" элементъ области Ольвіи не ограничивался одними иранцами, рѣшить же въ точности, кѣмъ были эти неиранскіе элементы, едва ли будетъ возможно когда-либо. „То обстоятельство, что это имена царей,—а цари были изъ царственныхъ скиѳовъ,—еще не побуждаетъ насъ предполагать, что эти имена имѣли въ ихъ языкѣ нарицательное значеніе. Они могли быть и не скиѳскаго происхожденія, какъ, напримѣръ, имя скиѳскаго царя *Λύκος*, звучащее вполнѣ по гречески. Въ виду того, что скиѳскіе цари брали женъ отъ разныхъ народовъ, женились на гречанкахъ, агаѳирсянкахъ, которыя, какъ мы знаемъ изъ примѣровъ, имѣли вліяніе на воспитаніе своихъ сыновей, не трудно допустить, что и въ царской династіи, помимо національныхъ именъ, могли встрѣчаться и иноземныя" (*ib.*, стр. 134). На стр. 118 сл. Всев. Ѳед. разбираетъ вкратцѣ доводы въ пользу монгольскаго происхожденія царскихъ скиѳовъ и указываетъ на то, что доводы эти исчерпываются указаніемъ на грубость и жестокость скиѳовъ, на сходство нѣкоторыхъ обычаевъ съ обычаями урало-алтайскихъ народовъ и наконецъ упоминаніемъ свидѣтельства Гиппократа о типѣ скиѳовъ". Если указанія на нравы недоказательны по той причинѣ, что у скиѳовъ не указываютъ ни одной черты этого рода, которыя были бы свойственны исключительно монголамъ, то свидѣтельство Гиппократа о наружности скиѳовъ („они похожи только на самихъ себя и нисколько на другихъ; цвѣтъ кожи у нихъ желтый, тѣло ихъ тучное; отсутствіе бороды уподобляетъ мужчинъ женщинамъ") опять ничего не рѣшаетъ, такъ какъ первый признакъ не

говоритъ въ пользу принадлежности скиѳовъ тому или другому племени; второй признакъ желтизна кожи (въ переводѣ приведенной цитаты, сдѣланномъ г. Мищенко въ статьѣ „Къ вопросу о царскихъ скиѳахъ“, Кіевская Старина, май 1884 г.) подверженъ нѣкоторому сомнѣнію [1]); третій признакъ—тучность тѣла—не представляетъ ничего типическаго урало-алтайскаго, а о безбородости, точнѣе отсутствіи растительности на тѣлѣ, Всев. Ѳед. замѣчаетъ, что это извѣстіе находится въ странномъ противорѣчіи съ изображеніями скиѳовъ на греческихъ вазахъ густобородыми. Наконецъ, онъ обращаетъ вниманіе на то, что Геродотъ ни словомъ не обмолвился о наружности скиѳовъ, которые, по Гиппократу, отличались отъ всѣхъ другихъ людей по наружности. „Тѣхъ ли скиѳовъ описываетъ Гиппократъ, которыхъ приходилось видѣть Геродоту?“ (стр. 120—121).

Съ своей стороны, на стр. 121 сл. Всев. Ѳед., разбирая извѣстія Геродота о скиѳахъ, указываетъ на то, что въ этихъ извѣстіяхъ, кажется, можно найти намеки на двѣ этническія группы среди скиѳовъ.

Замѣчу, что упомянутый экскурсъ III ч. Осет. Этюдовъ, посвященный скиѳамъ, явился въ результатѣ статьи Ѳ. Г. Мищенка „Къ вопросу о царскихъ скиѳахъ“ (Кіевская старина, май 1884), которая въ свою очередь была вызвана статьей Всев. Ѳед. „Черты старины въ преданіяхъ и бытѣ осетинъ“

[1]) „Гиппократъ, какъ ученый врачъ, ищетъ объясненія физическихъ свойствъ людей въ условіяхъ физической природы и говоритъ про скиѳовъ: родъ скиѳскій вслѣдствіе холода отличается цвѣтомъ, который греки называли *πυῤῥόν*... и далѣе прибавляетъ: отъ холода бѣлизна загораетъ и становится *πυῤῥός*... Спрашивается, можно ли понимать *πυῤῥός* въ значеніи желтаго, отступая отъ обычнаго значенія этого прилагательнаго, которое, какъ производное, отъ *πῦρ*—*огонь*, обозначаетъ цвѣтъ огненный, красноватый, пожалуй смугловатый. Мы знаемъ, что холодъ краситъ щеки, и это наблюденіе конечно зналъ Гиппократъ, но едвали онъ могъ бы желтизну кожи объяснять дѣйствіемъ мороза“. Въ примѣчаніи читаемъ: „Словомъ *πυῤῥός* обозначается особенно цвѣтъ *первой* бороды, и смѣсь цвѣтовъ сѣраго съ желтымъ, рыжимъ: *πυῤῥὸν ξανθοῦ τε καὶ φαιοῦ κράσει γίγνεται.* (Plat. Tim. 68, c.)“.

(Журн. Мин. Нар. Просв. 1882 г., августъ); въ этой статьѣ Всев. Өед., говоря о теоріи объ иранствѣ скиѳовъ, выразилъ мнѣніе, что имена скиѳъ и иранецъ не покрываютъ другъ друга, и что подъ именемъ скиѳовъ, индоевропейскихъ племенъ, скрывались и иранцы. Въ статьѣ „Эпиграфич. слѣды иранства на югѣ Россіи“ и III ч. Осет. Этюдовъ эта гипотеза оставляется въ этомъ ея видѣ и замѣняется уже вышеуказаннымъ положеніемъ, что среди скиѳовъ были иранскіе элементы, а другая часть скиѳовъ (царскіе скиѳы) являются племенемъ неизвѣстнаго происхожденія.

Дальнѣйшіе труды Всев. Өед. по изслѣдованію осетинскаго языка, это 1) замѣтка „О сарматскомъ богѣ Уатафарнѣ“ (Древности восточныя“, т. I, ч. 2, 1891 г.), и 2) вошедшая въ составъ большого коллективнаго труда Grundriss der iranischen Philologie, herausgegeben von W. Geiger und E. Kuhn, статья „Die Sprache der Osseten“; она появилась въ 1903 г. въ видѣ приложенія къ 1-му тому. На 96 стр. большой восьмушки мы находимъ историческую грамматику (фонетику и морфологію) осетинскаго языка, пополненную нѣкоторыми новыми отдѣлами (о заимствованныхъ изъ другихъ языковъ словахъ, о различныхъ нарѣчіяхъ, союзахъ, частицахъ и междометіяхъ). Въ введеніи данъ обзоръ діалектическаго дѣленія и краткое изложеніе русскихъ работъ автора о связи осетинъ съ скиѳами и сарматами. Разсматриваемый трудъ, являясь весьма цѣннымъ вкладомъ въ лингвистическую литературу, представляетъ изъ себя значительно улучшенную и углубленную переработку предшествующихъ работъ автора. Имѣя въ виду потребности русскихъ читателей „Осет. Эт.“ и самихъ образованныхъ осетинъ, Всев. Өед. издалъ въ 1904 г. все новое, что внесено имъ въ вышеупомянутый очеркъ на нѣмецкомъ яз., на русскомъ яз. въ той же транскрипціи буквами русскаго алфавита, въ которой появились Осет. Эт., подъ заглавіемъ Ossetica [1]) (Труды по востоко-

[1]) Для статьи въ Grundriss der iranischen Philologie пришлось примѣнить латинскую транскрипцію.

вѣдѣнію, издаваемые Лазаревскимъ институтомъ восточныхъ языковъ, вып. XX).

Въ 1907 г. появилась статья „Beiträge zur ossetischen Etymologie“ въ журналѣ Indogermanische Forschungen, B. XXI, содержащая 87 этимологическихъ сопоставленій.

Этимологическія работы Всев. Өед. по осетинскому яз. находятся въ тѣсной зависимости отъ его трудовъ надъ составленіемъ большого словаря этого языка, которому онъ посвятилъ рядъ лѣтъ, и который не суждено было выпустить въ свѣтъ самому автору. Надо надѣяться, что эта капитальная работа не останется неизвѣстной ученому міру и будетъ издана достойнымъ ея значенія образомъ.

Иранской филологіи посвящена и другая серія работъ Всев. Өед., открывающаяся напечатанными въ изданіи Академіи Наукъ въ 1892 г. „Матеріалами для изученія еврейско-татскаго языка“ (Введеніе, тексты и словарь). Горскіе евреи, живущіе на Кавказѣ, являются выходцами изъ Адербейджана, откуда они принесли съ собой усвоенный себѣ тамъ иранскій языкъ (татское нарѣчіе). Цѣнныя изслѣдованія Всев. Өед., посвященныя этому языку въ его еврейско-татскомъ и мусульманско-татскомъ видѣ, помѣщались имъ съ 1900 г. въ „Трудахъ по востоковѣдѣнію, издаваемыхъ Лазаревскимъ институтомъ восточныхъ языковъ“ (вып. II, VII, XXIV, XXVI). Въ нихъ мы находимъ всѣ характерныя особенности лингвистическихъ работъ ихъ автора: непосредственное изученіе изслѣдуемаго языка въ живомъ его видѣ и широкій интересъ къ этнографическимъ и историческимъ проблемамъ, возникающимъ по поводу данныхъ языковъ и народовъ.

Но не однимъ только иранскимъ языкамъ посвящалъ Всев. Өед. свои труды. Отмѣчу, что еще въ 1871 г. онъ во время лѣтнихъ вакацій изучалъ вмѣстѣ съ Филиппомъ Өедоровичемъ Фортунатовымъ людвиновскій говоръ литовскаго языка (одинъ изъ южныхъ говоровъ средне-литовскаго нарѣчія въ предѣлахъ русской Польши, въ Сувалкской губерніи). Собраніе записанныхъ здѣсь литовскихъ пѣсенъ съ переводомъ на русскій

языкъ и съ краткимъ очеркомъ особенностей мѣстнаго говора появилось въ 1872 г. въ „Извѣстіяхъ Моск. Университета“, изданіи какъ разъ прекратившемся въ этомъ году. Не всѣ матеріалы, собранные Ф. Ѳ. Фортунатовымъ и Всев. Ѳед. Миллеромъ увидѣли свѣтъ, да и то, что было напечатано, исчезло почти совершенно изъ оборота (всего было 50 экз. отдѣльныхъ оттисковъ и 350 экз. въ составѣ „Извѣстій“, при чемъ часть экз. послѣднихъ раздѣлила судьбу другихъ прекратившихся повременныхъ изданій), а между тѣмъ это несомнѣнно одинъ изъ лучшихъ сборниковъ литовскихъ пѣсенъ.

Въ VIII т. журнала „Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung“ появились двѣ статьи Всев. Ѳед.: Die präposition kŭ im slavischen, устанавливающая этимологическую связь слав. kŭ и древнеинд. частицы kam, являющейся въ Ведахъ въ сочетаніи съ дат. пад. въ видѣ постпозиціи, и 2) Ueber den letto-slavischen infinitiv, посвященная выясненію первоначальныхъ функцій литовскаго и славянскаго неопредѣленнаго, какъ дательнаго по происхожденію падежа отглагольнаго имени существительнаго.

Наконецъ, должно быть отмѣчено, что Всев. Ѳед. въ статьѣ „Ведійскіе этюды“, помѣщенной въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1876 г., и въ своихъ трудахъ по вопросамъ миѳологіи высказывался по поводу толкованія того или другого мѣста ведійскихъ текстовъ, по вопросамъ этимологическаго характера и далъ нѣсколько переводовъ ведійскихъ гимновъ (въ книгѣ „Очерки арійской миѳологіи, М. 1876, кромѣ отдѣльныхъ стиховъ переведено полностью 12 гимновъ) и 1-го акта драмы Калидасы „Урваши“ (Сборникъ „Братская помощь“ 1897 г. въ пользу армянъ).

Такова въ краткомъ очеркѣ дѣятельность Всев Ѳед. Миллера въ качествѣ преподавателя и научнаго работника въ области языковѣдѣнія. Мы видимъ, что его имя имѣетъ вполнѣ заслуженное право на почетное мѣсто и въ лѣтописяхъ роднаго университета, и въ исторіи науки въ Россіи не только въ отдѣлахъ, посвященныхъ предметамъ каоедры русскаго

языка и словесности, которую онъ занималъ съ 1892, но и въ отдѣлѣ, отведенномъ языкознанію. Въ данный моментъ, подъ первымъ впечатлѣніемъ тяжелой, невозвратимой утраты, понесенной съ его смертью и русскою наукою, и академическими сферами, конечно, трудно подвести окончательные итоги и дать исчерпывающее обозрѣніе заслугъ покойнаго, но и то, что выясняется при первомъ приступѣ къ этой работѣ, свидѣтельствуетъ безспорно о его крупныхъ дарованіяхъ и его кипучей дѣятельности, столь богатой важными и положительными результатами въ различныхъ направленіяхъ, по которымъ направлялись его ученыя симпатіи.

В. Поржезинскій.